

СЕН-ЛУ

СЕВЕРНЫЙ СКЛОН

РОМАН



ТОТЕНБУРТ

МОСКВА 2023

УДК
ББК

Схх

*Все права на книгу находятся под охраной издателей.
Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена
каким-либо способом без согласования с издателями.*

Перевод с французского — А. М. Иванов

Сен-Лу

Схх Северный склон. Роман. — М.: Тотенбург, 2023. — 296 с.

Сен-Лу — псевдоним французского писателя Марка Ожье (1908–1990), мотоциклиста, лыжника и альпиниста. Накануне Второй мировой войны он был социалистом и пацифистом, после войны находился в изгнании. «Северный склон» - первый его роман, напечатанный под псевдонимом «Сен-Лу» в 1947 году и позволивший на полученный гонорар скрыться в Аргентине.

Это роман об альпинизме, смелости, стремлении превзойти себя. Утомление, усилие, поиск трудностей. Одним словом, героический путь — единственный, позволяющий человеку снова обрести смысл своего величия. Единственное правило этого нового счастья: постоянное стремление к совершенству в физической борьбе с камнями, пройдя страшное испытание пустотой. И тому, кто, как говорил Ницше, «смотрит в бездну глазами орла», кто, сосредоточив все свое существо, избежал всех ловушек восхождения, дано ощутить ту «радость открытия на крайней точке риска», в которой герои «Северного склона» черпают новый смысл бытия.

УДК
ББК

© А. М. Иванов,
перевод с французского, 2023
© Издательство «Тотенбург», 2023

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	4
ПЕРВАЯ ЧАСТЬ. БЕГСТВО.....	5
ВТОРАЯ ЧАСТЬ. СФИНКС.....	10
ТРЕТЬЯ ЧАСТЬ. КОМАНДА БЕГЛЫХ ДУШ.....	29
ЧЕТВЕРТАЯ ЧАСТЬ. ШАЛЕ НА КРАЮ СВЕТА.....	105
ЧАСТЬ V. ГЛУБИНА БЕЗДНЫ.....	194
ШЕСТАЯ ЧАСТЬ. ВОСХОЖДЕНИЕ	262
РОМАН О ПОРАЖЕНИИ	288

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Гомеровский гимн о Деметре рассказывает, как великая богиня в своих скитаниях в поисках своей дочери пришла во дворец Келея. Там никто не узнал богиню, принявшую облик няни. Царица Меланейра доверила ей уход за новорожденным ребенком, маленьким Демофоном, который позже стал Триптолемом, изобретателем земледелия.

Вечером, когда все двери были заперты, в то время как дом спал, Деметра взяла ребенка из его мягкой колыбели и с кажущейся жестокостью, а на самом деле движимая огромной любовью и желанием довести ребенка до божественного состояния, уложила ребенка, голого, на горящие угли. Я представляю себе великую Деметру, склонившуюся как над будущим человечеством над эти лучезарным младенцем. Он вынес жар углей, и это испытание укрепило его. Я не знаю, какой человек готовился в нем, могучий и необыкновенно славный. Увы! Деметра не смогла довести до конца свой опыт и благополучно его завершить. Как рассказывает легенда, встревоженная Меланейра ворвалась в комнату, где проводился опыт, ведомая материнским страхом, оттолкнула богиню и угли, на которых ковалось что-то сверхчеловеческое, и, чтобы спасти ребенка, потеряла бога...»

Андре Жид

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

БЕГСТВО

Официант подошел к Гвидо Ла Месле.

— Чего желаете, мсьё?

— Кофе.

— Есть только Виандокс.

Ответ заключал в себе столько потенциальной наглости, что молодой человек резко прервал укладку своего багажа, рюкзака и перевязанной бечевкой униформы цвета хаки. Он поднял глаза на официанта, который опирался на край стола.

— Оставьте ваше хамство при себе. Дайте мне хлеба.

— А у вас есть карточки?

Ответный взгляд привел официанта в замешательство. У Гвидо Ла Месле были глаза молодой девушки, совершенно не вязавшиеся с волевым выражением лица, коренастым телом и широкими плечами.

— Что вы хотите? Введены ограничения.

И он указал ироническим жестом на новые плакаты, наклеенные на декреты, запрещавшие публичные пьянки: дни без спиртного — дни без мяса — распределение рациона по карточкам — карточки на текстиль — регламентация движения машин на жидком топливе — отмена поездов.

Гвидо Ла Месле с отвращением грыз свои положенные сто граммов хлеба. Дверь буфета непрерывно хлопала, впуская и выпуская толпы путешественников, которые тащили за собой свой багаж и облака тумана, пахнувшие паровозным дымом. Периодически ночь прерывал возглас служащего:

— Лион — Перраш!

Гвидо подозвал официанта, который жестом показал, что ему надо срочно обслужить столики.

«Черт-те что! — думал молодой человек, разглядывая в слабом свете лица путешественников. — Они удивительно безлики. На них лежит печать бессонницы, они стали пепельно-бледными от жизни в конторах, на заводах, в кино». Под серо-черной симфонией их верхней одежды Гвидо угадывал ужас грязной кожи и дряблых мускулов.

Нет, этот серый хлеб решительно никуда не годится!

— Официант!

— Сейчас, мсьё.

Официант медленно скользил на своих туфлях, подметая мраморные плиты тряпкой, потом полудоверительно склонился к клиенту.

— Скажите, официант, можно ли найти комнату в Терминюсе?

— Никаких комнат после перемирия, все заранее забронировано этими господами из Итальянской комиссии и... людьми из правительства. Но в городе, если немного повезет.

— Не стоит труда. Я взял билет до Гренобля на 8 часов. Как вы думаете, есть почтовое сообщение с Бурд'Уазаном?

— Понятия не имею. Спросите на вокзальной службе.

— Спасибо. Сколько с меня?

— За два куска хлеба? Один франк двадцать су.

Гвидо вынул из кармана бесформенный солдатский кошелек. Официант исчез, растворившись в полутьме, захваченный новой волной путешественников. Только Виандокс... Виандокс... Виандокс... В сентябрьской ночи, которая снова и снова проводила кистью тьмы, насыщенной вязкой влагой, маневренный паровоз привлекал к себе внимание сортировочных служб. Он издавал короткие гудки, словно проявлял добросовестность, тревожа таким образом сон поездов-люкс, неподвижных в своих депо. Гвидо Ла Месле задремал, положив щеку на ладонь. Передали сообщение: марсельский экспресс опаздывает на четыре часа...

Среди силуэтов, извивавшихся, словно личинки, в глубине этого зала возникло из полутьмы лицо, скрывавшее усталость путешествия под искусным макияжем. Оно восстанавливало реальность благодаря сочетанию румян и искусственного света. Женщина куталась в добротно сделанное пальто из лисьего меха, которое выглядело живым среди других пальто и непромокаемых плащей, волокна которых уже леденели.

Гвидо Ла Месле проснулся. Девушка перестала полировать свои ногти. Гвидо устремил свой взгляд в пустоту и поиграл мускулами атлета. Девушку покорило это сочетание мягкости и силы. Не было никакой связи между этой почти совершенно бесцветной радужной оболочкой его зрачков и его плечами, возвышавшимися, словно платформа, на которых ляжки мешка выглядели словно простые веревочки... кроме, может быть, крайней напряженности, которая иногда тревожила его взгляд и напрягала его мускулы. Этот взгляд на секунду остановился. Сердце девушки забилося. Но взгляд молодого человека на ней не задержался. Он покраснел, увидев это немое предложение, опустил веки, а девушка снова принялась полировать ногти. Как глупо!

Гвидо изменил позицию на стуле и вынул из сумки несколько бумаг: свидетельство о демобилизации из 46-го пехотного полка с тысячефранковой купюрой, приколотой в углу, почтовые открытки с потертыми углами. Гвидо перевернул их одну за другой, прежде чем выложить на стол. Сумка опорожнялась медленно. Фотография молодой девушки на плохом картоне. Ба! Членский билет организации молодых бонапартистов — сторонников плебисцита. Старый, очень старый. 1929 год! Мне было тогда четырнадцать лет. И я был бонапартистом! А почему бы нет? Может быть, и сейчас еще существуют бонапартисты! Красный членский билет — СФИО, Социалистическая партия. Кризис социальной философии — ха-ха! Курс. Диплом «Эклерёр Юнионист» с четырьмя засохшими листьями клевера, упавшими на грязный пол. А вот и «Аксьон

Франсез», членский билет молодежной организации. А. Ф. Гвидо Ла Месле, родился 15 марта 1915 года в Бриансоне. И снова курс. Членский билет Французской лиги «Оберж де ла Жёнесс», 1939 год... В ту же кучу.

Гвидо вынул из своего мешка номер журнала «Гренгуар». Он завернул в пакет документы, предварительно отделив тысячефранковую купюру от свидетельства о мобилизации.

Было 5 часов утра. Грязная заря рыскала по мусорным ящикам. Какой-то человек выкладывал в полутьме, которая становилась всё более серой, тайны своей души, а на его отвратительном лице, лишенном повседневной маски, выставлялся напоказ весь репертуар его грехов. Гвидо Ла Месле собрал в пачку свою униформу, закинул на плечи тяжелый рюкзак и вышел из здания вокзала.

Спустившись с лестниц Перриша, он повернул налево. Тьма под платанами вдоль улицы была еще густой, в то время как под открытым небом заря отклеивала фасады домов от стен ночи. Гвидо быстро шел по направлению к Соне. Туман подвешивал к фонарям кринолины света.

Гвидо остановился у одной скамьи и положил на нее пакет.

— По сути, это идиотизм, — пробормотал он. — Я мог бы еще сшить себе хорошую куртку из этой шинели.

Он поколебался еще несколько секунд и продолжил свой путь.

Сона катила свои воды между плотинами из отполированных камней по коридору между домами с герметически закрытыми фасадами. На берегах этой реки значали свидания влюбленные, сводили счета, собирались посвященные. Гвидо спустился на несколько ступеней и остановился, увидев холм Фурвьер, который вместе с зарей разрезал туман.

«В первый раз не натыкаюсь на буй, когда прихожу в эти грязные родные места», — пробормотал молодой человек.

Он спустился до края набережной, к серой воде. Гвидо Ла Месле бросил взгляд вверх по течению, откуда доносилось эхо разговоров, но никого не было видно. Он два или три раза раскачал в руке пакет с униформой и кинул его в реку. Потом вынул из мешка документы, завернутые в газету.

— Всё это... прошлое...

В течение нескольких секунд он следил глазами за тем, как предметы захватываются щупальцами водоворотов, потом с облегчением расправил плечи, хотя рюкзак еще давил своей тяжестью ему на поясницу, и стал подниматься по ступенькам.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ

СФИНКС

I

Северный склон пика Гаспар возвышался, словно собор в небе над Уазаном, освещенный сентябрьским солнцем. По оси своих башен он защищал, но не угрожал раздавить каменный город: Паве, массивную крепость, — и вершину Пьяже, утонченно отделанную, словно дом патриция.

Вожак клана «Рутье», остановившись, чтобы взглянуть на этот склон, прошептал:

— Дом мой есть Дом молитвы.

Именно эта мысль напрашивалась прежде всего при виде увенчанного базиликой города на краю ледника Лотаре, который подступал к подножию его стен, перекатываясь под мостами после таяния зимних наростов, то выходя почти без морщин над клубком закрытых трещин, то при его слиянии с ледником Человека их льдины бурно сталкивались. На северном краю ледника Человека — другие города и другие дома молитвы строились в низинах с единообразной архитектурой фасадов и крыш, подпорных арок и выпуклых башен, проходов и трещин: всё лучшая защищенность, всё бо́льшая стройность и так вплоть до центрального города с его кульминацией — святыми Мейж. Но по другую сторону Мейж, за пределами его видимости, скаут это знал, есть другие города и другие соборы: Аньо, Экрен, Пельву, Айлефруад, Банк, Жёберней и Олан.

Вождь клана запел: «Ближе к тебе, мой Боже», — всё более внимательно рассматривая пик Гаспар.

Северный склон достигал высоты около 800 м. На всей верхней части ледника Лотаре, от пика Клер до Паве, господствовала неумолимая вертикальность стен. Оборона здесь была организована стратегически. Прохо-

ды, которые прокладывали себе путь среди мрачных скал, на выходе отклонялись от отвесной линии и нависали над пустотой, словно отвисшие груди. Плиты, по которым их можно было бы обойти справа или слева, по направлению к другим проходам, были покрыты таким же прозрачным материалом. Ни на одну опору нельзя было опереться из-за этого льда. Каждую гладкую часть скалы приходилось очищать от этой ледяной корки. Глаз не мог увидеть сквозь нее никакой надежный путь. Было крайне трудным для альпиниста передвигаться вдоль этих склонов, которые солнце никогда не освещало прямо, к его свету добавлялось отражение от ледника, и освещение становилось каким-то сверхъестественным. В разгар лета, на пике южной жары сохранялся зловещий аспект подземных пропастей. Бог исчерпал силу своей любви, ее не хватило для других городов молитвы. Если порыв северного склона напоминал взлет собора, то гостеприимства, великодушного спокойствия ему не хватало. Было трудно произнести вопрос, который хотелось задать сквозь синезолотое пространство: «А где же красота?»

Скаут вдруг перестал петь.

... А где же красота? На Мейж, которые возвещают о себе, высоко вознося три свои башни на голубом поле? На великолепной группе: Жюмо, Тур Карре, Рош-Меан и Гранд-Рюин? Или в долине, в постоянстве терпеливого и скромного труда крестьян Вийяр-д-Арен? Скаут задумался и не знал, что ответить. Он спросил у северного склона еще более настойчиво. Он не принадлежал к клану посвященных в высокие горы. Он знал, однако, что последняя альпийская тайна скрыта там, в этой стране, обращенной к северу, конечной точке массива Уазан. Девственный северный склон представлял собой последнюю часть неизвестной земли на поверхности этой страны, исследованной по всем осям, освидетельствованной, использованной чередой высоких цивилизаций. Он открывал через несколько километров по национальному шоссе № 91 те же возможности для приключений, что и мир

XV века! Достаточно было обуться в зашнурованные ботинки с крылышками, опоясаться веревками, взять ледоруб, набить мешок провизией, чтобы вступить в мир приключений Христофора Колумба, Магеллана, Пири, Рене Кайе, Берда, Линдберга... Может быть, это и был ответ? Или нет иной красоты, кроме красоты девственной Земли?

Скаут еще более внимательно посмотрел на пик Гаспар, снедаемый честолюбием, которое не имело ничего общего с посредственностью, но тяжесть которого казалась ему огромной.

Северный склон явно не собирался открывать свои тайны. Он держался высокомерно и бесстрастно. Он смотрел на долину всеми глазами своих ледяных пещер, из орбит, таких же пустых и мертвых, как у глаз античных статуй, но, как и глаза античных статуй, своей пустотой и своей смертью они влекли за собой спокойствие, казалось, в них скрывается безразличие времени. Скаут задрожал. Он понял, что невозможно одолеть этот склон, не разрешив сначала его загадку, не ответив на задаваемый им вопрос, подниматься на него значило рисковать жизнью, почти наверняка сорваться!

Вожак клана подал сигнал свистком, чтобы собрать своих ребят, которые разбрелись по альпийским лугам. Он продолжил свой путь, оставляя позади себя, без сожалений, хотя и не без страха, запретный северный склон.

Этот склон вдруг окутался туманом, который принес с востока на запад поток воздуха, предвещающий ломбардец¹. Но он не совсем исчез. Сквозь влажную завесу, на которой вышивало золотые узоры заходящее солнце, всё еще выделяя его силуэт, черный на сером фоне, излучавший всю свою мощь, наблюдавший, как часовой над низинами, торчала конечная пирамида. Облака разрывались о башенки и протекали в промежутках между ними, как вода потока между пальцами руки, которые

¹ Восточный ветер, который обычно дует три, шесть или девять дней подряд. — *Прим. авт.*

человек расставил, играя с течением. Ветер два или три раза ударил в лоб по массиву, отогнав облака со стороны Мейж. Часть северного склона снова появилась в чистом воздухе, отбрасывая через ледник тень к своему подножью, когда его освещало солнце. Он вдруг утратил свою бесстрастность. Все линии его архитектуры снизу доверху напряглись. Изгибы его проходов стали более четкими. Его опоры напрягли свои мускулы, вырезанные на скале как на мраморном животе Дискобола. Диздры стали казаться уравновешенными в своем безумии. Ледяные башни поражали одновременно своей тяжестью (невозможно было представить ее себе в цифрах даже в тысячах тонн) и не соответствующей ей хрупкостью. Всё это вместе, это равновесие правды с невероятным, казалось вдруг отчетливым и жестоким. Сверху донизу через склон проходила влажная и глубокая пещера, которая никогда не видела солнца, липкая и тусклая тень, — эта липкая и тусклая тень не сулила никаких иных перспектив, кроме погребальных на 800 м неизвестной земли. Солнце зашло, и северный склон стал еще более враждебным. Не было больше ничего эстетического в этом нагромождении льда и скал. Мир камней предстал в своей жестокой реальности. Зрелище стало патетическим, казалось, будто в пространстве трепещет какое-то знамя, предлагая еще раз свою загадку тем, кто поднялся с Земли Людей: А где же красота?

— Большой кусок, — сказал один из двух членов Высокогорной группы, которые решили сделать остановку на тропе Трещин, ведущей к альпийскому убежищу.

— Передайте мне бинокль.

Последовало напряженное молчание.

— Сначала чистый лед. Потом лед и скалы. Под вершиной чистые скалы, если склон в хорошем состоянии.

Бинокль снова перешел из рук в руки.

— Связка из двоих может обойтись одним биваком.

— Не согласен, — ответил другой. — Путь подхода слишком длинный. Надо предусмотреть первый бивак

у подножья, а второй, несомненно, когда будут пройдены две трети склона.

— Да... большой кусок... очень большой кусок, — повторил первый.

— Займет как минимум день. Каждый раз одно и то же. Восходят на северный склон, хорошо снарядившись в расчете на «варап»², и всё кончается на его границе. Вспомните Жорасс или Эйгер.

Обувь обоих этих мужчин была поцарапана, одежда в заплатках, мешки хранили следы тысячи соприкосновений с острым гранитом. Они принадлежали к числу посвященных, однако рассматривали этот склон с сосредоточенным вниманием; их веки кожа вокруг глаз образовала складки, морщины на лбах свидетельствовали о серьезной неуверенности.

— Вы думаете, вам это под силу, Фред?

— Да, но не в это время года.

Они пытались мысленно представить себе путь по стене. Может быть, для того, чтобы не отвечать на вопрос, который она задает.

— Не в это время года, у нас недостаточно тренировки.

— Тренировки мало, дорогой друг. Надо руководствоваться высшими мотивами, чтобы пытаться первыми взойти на северный склон. Именно на него. Это труднее всего.

— Труднее всего? Посмотрим... И что за высшие мотивы? Я не понимаю. Большие гонки требуют высокой морали и духа соревнования. Никто до сих пор не изобрел ничего лучшего. Какие высшие мотивы вы можете назвать?

— По правде говоря, я не знаю... это высшая мистика!

Второй ответил с легкой иронией:

— Бог и гора? Но, дорогой мой, вы смещаете проблему. Если вы мечтаете о пресловутом «покое под

² Слово «варап» означает совокупность снаряжения, используемого для восхождения по чистым скалам. — *Прим. авт.*

Божьим взглядом», вам не нужны новые пути. Поднимитесь на Гранд-Рюин. Это нормальный путь на Гаспар. Путь для коров.

Этот человек положил руку на плечо своего товарища.

— Не насмехайтесь! То, чего я еще не нашел, это более точное определение тех мотивов, которые оправдывают меня перед моей семьей и перед самим собой, когда я рискую сломать голову. Более точное, понимаете?

Второй пожал плечами. Они снова тронулись в путь по ровной альпийской тропе, в то время как солнце садилось за Мейж, отбрасывая на землю силуэты двух старых воинов Уазана.

Туман снова завладел запретной горой. Лотаре перестал сползать, образуя шелковый шарф на шее склона. Необыкновенное напряжение, которое всего несколько минут назад скрепляло всю архитектуру Гаспара, вдруг ослабло. Формы стали более мягкими, глубины влажной пещеры закрыл туман. Внешняя часть стены ожила, одушевленная перемещением испарений; в то время как вершина распалась и поплыла по океану метаморфоз, из целого возник образ чудовища с черным телом, высоко над которым поднялась голова женщины, светлые волосы которой накрыло шлемом своих лучей солнце. И снова был задан вопрос: А где же красота?

Отец Амьё, который спустился с альпийского луга, опустил на землю свои сто фунтов сена, вынул платок из грубой ткани и вытер лоб. Он смотрел на своего старого товарища, который был свидетелем его трудов, на пик Гаспар, закрытый облаками, на бледный горизонт и с тревогой думал, что на три дня может задуть ломбардец, и ему надо поспешить, спустить до ночи еще одну охапку. А тут еще те господа, которых Амьё-сын пригласил на Гранд-Рюин... Каждый раз, когда его старший отправлялся в путь, старый крестьянин вспоминал тех двух неизвестных, которые проходили однажды утром через Вийяр-д'Арен. Он не знал (и это больше не имело никакого значения в его возрасте), что перед ним пали бы все

преграды, которые защищали северный склон, потому что он разгадал его загадку.

— А где же красота?

«Там, где я должен собрать в кулак всю мою волю, там, где я хочу любить и исчезнуть, чтобы образ не остался только образом. Любить и исчезнуть: эта связь извечна. Хотеть любить это значит также быть готовым к смерти»³.

II

— Это слишком трудно для меня, — заключил Гвидо Ла Месле и отпустил свой бинокль, который повис на ремне.

Северный склон пика Гаспар проскользнул в плоскости общих перспектив. Гвидо протер глаза, уставшие от этого поединка со стеной, который длился почти час.

— Слишком трудно, Кристиана...

Он нагнал молодую девушку, которая удалялась по дорожке, идущей от ледника Лотаре, упругим шагом, слегка пританцовывая, словно молоденькое красивое животное. За ними оставалось село Пье дю Коль, прилепившееся к альпийским лугам, которое уменьшалось в перспективе.

— Вы предпочитаете, конечно, постыдные пути «для коров», вроде этих?

Она указала на альпийские луга, которые гнули свой хребет перед неумолимым господством вершин Уазана, склоняясь перед ними всё более униженно вплоть до подстилки из белых камней, на которой располагался веселый Романш.

— Нет, Кристиана...

Гвидо шел теперь рядом с ней.

— Нет, но у меня нет квалификации, позволяющей посягнуть на последний большой девственный склон французских Альп. Эта привилегия забронирована за «каидами» восхождения.

³ Слова Фридриха Ницше. — *Прим. авт.*

Молодая девушка покачала головой. В голосе Гвидо сквозило легкое раздражение.

— Вы ничего в этом не понимаете, черт возьми! Когда видишь гору в целом, кажется, будто на нее легко подняться, но когда увидишь детали... Возьмите бинокль!

Кристиана пересекла дорожку, уселась, позируя, на скалу, засунула обе руки в карманы своей серой канадки, небрежно скрестила ноги, откинула назад свои густые волосы, и они рассыпались по ее плечам каскадом золотого песка. Гвидо снова твердо сжал в руке висевший на ремне бинокль. Блаженное томление разлилось у него по пояснице. У него перед глазами ноги и бедра женщины... Эти длинные мускулы играют под матовой кожей, словно опоры Гаспара под снежными цветами. Всё это сладострастное богатство было на расстоянии вытянутой руки, но он чувствовал его еще более недоступным, чем запретная гора, его охраняла воля, стоявшая настороже за притворною улыбкой. Он с трудом проглотил слюну, накопившуюся во рту, и, покраснев, отвернулся.

Кристиана закурила сигарету.

— Ха-ха! Могла ли я подумать, что герои войны трусят перед сколько-нибудь серьезным восхождением.

Гвидо расправил плечи. Его куртка натянулась, словно кожа ярма от усилия быка.

— Легко вам говорить: «сколько-нибудь серьезное восхождение»!

Его голос стал более жестким.

— Во-первых, я не герой войны и не альпинист. Не люблю, когда меня запикивают в какие-то тесные рамки.

Он ходил взад-вперед по дорожке, отбрасывая ударами ноги большие камни, попадавшие на пути, но не уходил. Кристиана обвела вокруг себя какой-то заколдованный круг. Она повернула голову к солнцу, привела в порядок свои тяжелые волосы. Ее колени выглянули из-под плиссированной юбки. «У этих маленьких буржуек фантастические попки, — подумал Гвидо. — То да, то нет, они готовы раздеться донага, но овладеть ими —

совсем иное дело». Мужчина глубоко вздохнул, продвинулся на несколько шагов и положил свою сильную руку на гладкое бархатное колено. Пальцы Кристины сомкнулись вокруг его запястья с проникновенной нежностью, ни в чем ему не отказывая. Гнев Гвидо успокоился, словно волна в конце пути.

— Видите ли, Гвидо...

Голос Кристианы просачивался сквозь необыкновенное молчание, капля за каплей падая в колодцы этих холодных одиночеств. Он звучал контрастом с внешней непринужденностью молодой девушки. Она проявляла твердую волю, которая следовала иным путем, внешне не имевшим отношения к естественным плотским позывам или коварным расчетам предыдущей минуты.

— Когда я была маленькой девочкой, Гвидо, я играла в невесту, как и все маленькие девочки. Тот, кого я ждала, всегда был рыцарем в бархатном камзоле, в золотых доспехах и на белом коне. Вы понимаете теперь? Роланд, Рено, Тюрпен — ими коллекция исчерпывалась. Но для мужчины, Гвидо, есть тысяча современных средств стать рыцарем из мечтаний маленькой девочки.

Кристиана вынула правую руку из кармана своей канадки и поиграла пальцами мужчины, лежавшими на ее коже, едва ее касаясь. «Она объясняется мне в любви по всем правилам», — подумал Гвидо. Голос снова зазвучал непринужденно:

— Впервые я встречаю во время каникул необычного человека... Вы не будете себя вести так же, как все прочие... так же глупо... так же грубо?

Она бросила стальной взгляд на свое колено. Гвидо убрал руку.

— Так же надменно, как другие, — продолжил молодой человек, покраснев, но впиваясь сверкающим взглядом в глубину зрачков, которые бросали ему вызов.

— Еще с большей гордостью, с гораздо большей гордостью, Гвидо... но... после северного склона.

Мужчина победил ослабление своих рук, готовых схватить это великолепное создание, которое и предлагало себя, и отказывало.

— Герои остаются героями, Гвидо... и после войны, битв и наград... северный склон... великая слава для альпиниста...

Она была в экстазе.

— Вы сильны, как Ригуло... У вас глаза авантюриста.

Гвидо пришел в себя, расправил плечи, и его мускулы снова надулись под курткой.

— Оставьте в покое мои глаза, оставьте в покое мои награды, Кристиана.

Я не хочу быть вашим приятелем на время каникул. Я уйду, как и пришел, и вы это знаете. Я демобилизованный. У меня мало денег. Я должен искать себе занятие. Там, внизу, у меня нет шансов его найти.

Он протянул руку к вершинам Узана, которые одну за другой косою свет отделял от облачной перспективы. Лицо Кристианы было замкнутым, неподвижным в своих правильных линиях: высокий лоб под золотым шлемом, прямой нос, чувственный рот, который умел делаться жестким, так что на уголках губ появлялась неуловимая презрительная складка. Одним движением век она погасила пламя в своих серых глазах.

— Как хотите, Гвидо. Жаль. Вам не хватает воображения.

Ветер схватил их за плечи и погнал в долину. Они пересекли село Пье дю Коль и продолжали путь до Ла Грива в молчании, что не помешало им впервые обняться при прощании.

Гвидо остался один на дороге к леднику Лотаре. Он пошел по направлению к туннелю. Северные склоны массива к концу дня выглядели сурово, укрытые от остатков света, гусеницы которого ползли по хребтам, отражая конец всякой жизни. На Рато скалистые и ледяные проходы выстраивались как трубки органа, в которые дул ветер. Склон Мейж не был окутан тайной, как более да-

лекая стена пика Гаспар. Она открывалась Гвидо, который мог детально рассмотреть в вертикальной плоскости сеть, по которой стекают ручьи и сходят лавины, похожую на серебряные нити рек, когда смотришь на них с самолета с высоты 2000 метров. Превосходя все прочие раны этой горы, склон пересекал проход в форме буквы Z. Ослабленная этим ударом меча в ее тело, Мейж опиралась на западе на подставку, похожую на сплетение мускулов. Гвидо Ла Месле остановился. Между ним и этой горой не было ничего, кроме нематериального пространства. Вечер реализовал пустоту под колоколом своей пневматической машины. Казалось, эти повороты, проходы, диэдры и плиты находятся на расстоянии вытянутой руки. Один жест — и он коснется пальцами гранита. Всё стало одновременно очень простым (протянешь руку и коснешься первой ступени горы) и очень трудным, потому что надо было сначала получить сигнал включить волю. По сути, что может помешать ему попытаться одолеть северный склон? Попытка ничего не значит. Если дело окажется слишком трудным, он всего лишь сделает полуоборот.

Опустилась ночь. Облако, которое располагалось в долине очень низко, почти касаясь земли, снова поднялось, как взлетающий дирижабль. Его раздирали, когда оно летело мимо, верхушки елей, и пушистые клубки отделялись от него, сматываясь вокруг покрытых иглами ветвей, которые расчесывали их, словно волосы, образуя первоэлементы тумана. Выше трех тысяч метров кровь, пролитую людьми из любви к горам, смывали небесные дожди и возносили ее из бездны. Но всё быстро исчезало, несколько минут спустя маяки Гаспара, Мейж и Рато погасли один за другим. Гвидо не различал больше склоны и края ночного неба. Огни в хижинах на альпийских лугах располагались среди звезд.

Гвидо вернулся в гостиницу. Через десять минут он спустился в столовую. Людей было немного. Несколько альпинистов без особой уверенности проводили последние дни, осаждая Мейж, неприступную под панцирем ра-

но образовавшегося гололеда; дамы в возрасте («клопы из долины», как называла их Кристиана), которые боролись со своими ревматизмами на легких маршрутах; местные жители; господин Мерсье и его дочь. Промышленник благожелательно встретил Гвидо Ла Месле.

— Итак, дорогой друг, говорят, вы попытаетесь подняться на северный склон пика Гаспар?

Почтальон из Вийяр-д'Арен и гид Жан-Батист дез Иер, которые заканчивали десерт, положили свои ножи и улыбались в усы. Гвидо покраснел.

— Господин Мерсье, что вы себе позволяете... Я не люблю подобных шуток... Я не хочу стать посмешищем.

Промышленник выглядел удивленным и смущенным.

— Но... об этом проекте говорила моя дочь. Кристиана утверждает, что вы изучали в бинокль путь восхождения по северному склону и завтра купите кошки, ледоруб, все необходимые материалы.

— Это нелепая история. Кошки? Никогда не пользовался этим скобяным товаром. И я вообще не альпинист.

Кристиана своевольно вмешалась:

— А Монблан, Гвидо?

— О, конечно, я поднимался на Монблан, как и все прочие. Но по этой дорожке ходит почтальон.

Он бросил язвительный взгляд в сторону двух местных жителей.

— Однако я достаточно хороший альпинист, чтобы знать, что в конце сентября северный склон в плохом состоянии для восхождения.

— Я понимаю, господин Ла Месле. Простите мою дочь. Она немного экзальтирована. Как и все женщины, она испытывает ностальгию по великим авантюрам, которые ей недоступны.

— Папа, речь идет не об авантюрах. Я думаю, что у Гвидо способности великого альпиниста. Я видела, как он поднимался на скалу. Он великолепен. Посмотри на его руки. Он может удерживать на конце веревки цепочку людей.

Гвидо Ла Месле улыбнулся. Кристиана начинала нервничать.

— Вы находите это забавным? Ах, как мужчинам не хватает смелости!

— А вы, Кристиана... Какой опыт у вас, чтобы рассуждать о горах в двадцать лет?

Молодая девушка вскочила.

— Я? Я поднималась на Друат, на Грепон по маршруту Юнга, на Фу де Блетьер, на Сервен по итальянскому гребню!

(«Она отчаянно блефует», — подумал Гвидо).

— О! Знаете, Кристиана, за хорошую плату гиды из Шамони поднимут мешок с углем на вершину Грепона по любому маршруту.

Кристиана накинула на плечи свою канадку и вышла, хлопнув дверью.

— Я думаю, месье, это гроза на высокой горе. У моей дочери невозможный характер.

— Это пустяки. Она начиталась альпинисткой литературы. Этого ей достаточно.

— Вы мне нравитесь, да, правда, вы мне очень нравитесь, месье Ла Месле, Гвидо... Это имя побуждает мечтать о восхождении.

— Моя мать была итальянка. Имя это не призвание. У меня сейчас иные заботы, нежели приключения в горах. Надо жить, месье Мерсье!

— Вы демобилизованы два месяца назад, не так ли?

— Да. Я изучал право, я хотел стать нотариусом. После кампании во Франции я изменил свои намерения.

Промышленника это позабавило.

— С такими плечами, как у вас, понятно, что нотариат не вызывает у вас восторга.

Гвидо размышлял, напряженно глядя куда-то за холмные оконные стекла.

— Это не совсем так. Я узнал на войне кое-что забываемое.

— И что же?

— Пристрастие к насилию... свободу... широкую, легкую жизнь. Но, разумеется, всё это не имеет значения после поражения.

— Займитесь промышленностью. Время этому благоприятствует. Вы можете заработать много денег, а деньги дадут вам всё: свободу, легкую жизнь, даже насилие. Современная промышленность — вот где действительно простор для авантюры. Знаете, у меня есть прядильные фабрики в Лилле. В августе кончились запасы шерсти. Шерсть умерла? Да здравствует фиброволокно! Сейчас строятся мои новые фабрики близ Салона. Если вас интересует промышленность...

— Большое спасибо, месье Мерсье. У вас спортивный темперамент. Но мое место не в промышленности, и деньги меня не интересуют.

Гвидо Ла Месле нашел Кристиану на дороге. Она ходила взад-вперед, засунув руки в карманы своей канадки. Он бесшумно приблизился к ней и сжал ее голову руками.

— Кристиана!

— Вы? Пустите меня... вы грубиян!

— Помиримся, Кристиана.

Она высвободилась.

— Меня оскорбил ваш рассказ о мешке с углем.

Гвидо оставался неподвижен. Его мускулистые плечи, его длинные и сильные руки, которые он бессмысленно тер одну о другую, вся его сила была нейтрализована этой противостоящей ему волей. Что это: каприз испорченного ребенка? Спортивный романтизм? Отторжение? Творческая способность устраивать драмы? Он не знал. Сквозь дымку тумана он не мог проникнуть в тайны ее лица. Играет ли как всегда чувственная улыбка на уголках ее губ или их кривит презрительная складка? Или она, наоборот, вот-вот разразится слезами?

— Помиримся, Кристиана. Скажите мне только, вы действительно поднимались на Грепен по маршруту Юнга? И на Фу? И на итальянский Сервен?

Молчание.

— Нет.

Голос Кристианы утратил прежнюю уверенность.

— Гвидо, я блефовала. Чтобы вас немного возбудить. Я никогда не поднималась на Грепон и на прочие вершины, только на Муан и на Пень.

— О! Пень это уже неплохо.

Голос молодой девушки становился всё слабее.

— Но это ужасно, Гвидо... у меня кружится голова, и я боюсь... ужасно боюсь!

Он взял ее за руки, но в этом жесте уже не было никакого плотского позыва, ничего, кроме взаимопонимания и обмена тревогами.

— И вы тоже? Любопытно. Когда я поднялся на Ла Грав, мне пришлось ночью провести несколько часов без сна. Мне мерещились страшные восхождения, которые регулярно кончались падениями или, хуже того, неспособностью двигаться ни вперед, ни назад. Мое сердце забилося, страх пустоты сдавил мне живот. Это было нестерпимо и восхитительно. Мой страх и мое желание смешались, как за пять месяцев до этого накануне нашей последней атаки в Арденнах.

— Поэтому, Гвидо, и надо сразу браться за самое трудное. Оставьте Сервен, маршрут Юнга и Фу маленьким девочкам. Когда вы хотите попытаться одолеть северный склон?

Руки Гвидо обвилились вокруг талии Кристианы. Туман снял свое покрывало с поселка. Островерхие крыши венчали серые фасады. Всё походило своей суровостью на женский монастырь.

Гвидо снова сжал свои объятия, отмечая ассоциацию с монастырем. Он снова и снова проводил подбородком по волосам девушки.

— Кристиана, маленькая Кристиана, вы же знаете, чем я рискую, если я...

— Да, Гвидо, но вы же были на войне!

— Разумеется.

Он расстегнул ее канадку и ощутил жар молодой плоти. Кровь волнами вздымалась в нем. Он потянулся к ее губам.

— Нет, Гвидо, друг Гвидо... нет...

Кристиана освободилась. Они пошли во тьме, туман был их сообщником.

— Я могла бы, может быть, взять проводника? Например, Жан-Батиста дез Иера, который ужинал в гостинице этим вечером? Он закончил свой сенокос, он молод и нуждается в рекламе, а для гида что может быть лучше северного склона пика Гаспар? В перспективе хорошее время года. Как вы думаете?

Они остановились перед гостиницей. Девушка отошла на несколько шагов, потом вернулась.

— Гвидо, это глупо с вашей стороны, мой друг. Как можно разделять ответственность, риск и славу первого с гидом? Такая победа не приносит плодов!

Вдруг она поцеловала Гвидо Ла Месле в губы и побежала к двери, на которой в тумане обрисовался ее красный силуэт.

III

Эхо от северного склона собирало все шумы, которые исходили от страны людей: предупредительный гудок автомобиля при выезде из туннеля Ардуазьер, стук козьих копыт по дороге, шум ливня... Чистота восприятия на этих высотах необычайна. День едва начался, а эхо уже восприняло и усилило стук ледоруба о ледяной блок.

Альпинист направлялся к убежищу Орла. Он шел прямо, мимо стыка ледника Человека и ледника Лотаре. Но был уже час дня, а человек всё шел по дороге к этому склону. Он медленно исчез в покрытой трещинами зоне и снова возник на высоте около 3000 м. Больше не было сомнений: одинокий альпинист шел на штурм северного склона пика Гаспар.

Восемьюстами метрами ниже Гвидо Ла Месле уже понес ущерб. Ветер играл, как знаменем, обрывком его

штанов, разорванных о крюк. Он не имел привычки ходить расставив ноги, как моряк, и устал. Усталость тяжелым грузом ложилась ему на плечи, но он продолжал продвигаться вперед. На лбу его от сосредоточенного внимания образовались складки.

Он потерял драгоценные минуты в поисках снежного моста над главной трещиной. Он предварительно измерил его толщину. Выдержит! Но когда он оказался посередине моста, его обуял панический страх. Словно какой-то капкан защелкнулся на его ногах, он больше не двигался... Какой стыд! Его дыхание было частым и хриплым. Он застыл как статуя, цепляясь руками за снег на этой арке, смело перекинутой на другой край. Он не мог оторвать взгляд от синих и зеленых глубин, где «мельницы»⁴ распевали, словно псалмы, жалобы вод. Если бы мост не был таким длинным! От него исходило дыхание пустоты. Гвидо сильно вспотел. Никогда он не испытывал подобной паники. Одиночество на большом леднике влияет не так, как война. Он должен пройти любой ценой!

Через несколько минут странная картина представилась его воспаленному воображению... Эти стены из цветного льда, с влажными отражениями в них, эти буйные воды, которые захватывают обломки с поверхности и уносят их вглубь ледника, прячась, словно зверь, между боковыми моренами, всё это образы «липкой смерти». Он несколько раз повторил эти слова: «липкая смерть!» Конец человека в глубокой трещине — это, наоборот, нечто чистое и твердое: процесс быстрого падения, удары головой и членами о стены. А умирать приходится липкой смертью. Красный, нестойкий свет загорелся в глубине его глаз, а потом начала говорить странным образом голова, слова которой доходили до его ушей как далекая, безликая музыка.

— Дорогие слушатели, статья 1382 гражданского кодекса обуславливает, что если какой-то человек причи-

⁴ Так называют сточные колодцы, образовавшиеся в толще ледника под действием теплых вод. — *Прим. авт.*

нил ущерб другому человеку, тот, кто причинил этот ущерб, должен его возместить.

Гвидо снова почувствовал себя свободным. Капкан, который сжимал его ноги, медленно разжался. Он шумно вздохнул и в два легких прыжка достиг верхнего выступа трещины, ступил на твердый снег и продолжил свой путь, решив вынести что угодно во время своей авантюры, лишь бы избавиться от этого бремени стыда.

Было уже около полудня, когда он добрался до уступа у подножья склона. Он остановился, снял мешок и сел на снег.

— Боже мой, как высоко! Этого не понимаешь, глядя из долины, — пробормотал он. — Вот это гора! Но как тут пройти?

Он вынул из кармана листок бумаги, внимательно его изучил, но не нашел того пути, который наметил, глядя в бинокль. Вместо сравнительно легкого прохода он обнаружил лишь столб. А за ним должна находиться платформа? Но скала нависает. То, что он нарисовал в плоскости, предстало теперь рельефно. Он не представлял себе эту высокую гору такой беспорядочной и обескураживающей.

Свист камня напряг воздух, словно струну арфы, которая задрожала, а потом оборвалась. Дзынь! Инстинктивно Гвидо Ла Месле начал искать, откуда в него могут стрелять. Второй камень вонзился в снег метрах в двадцати.

— Вот так история! — пробормотал он. — Теперь еще и бомбежка. А мне надо миновать выступ. Где и каким образом? Верхний край выступает, так что даже если бы была лестница...

Гвидо Ла Месле предпринял попытку исследовать направление на Паве. Повсюду трещина с равномерной точностью закрывала доступ к скале.

— Чтобы достичь, мне не хватает метра. Построив платформу, я могу выиграть этот метр. Проще всего потом будет вонзить ледоруб в верхний выступ. Одно подтягивание — и я там. По сути, это не так уж трудно.

После часа работы Гвидо оказался в метре от внешнего края трещины. Он передохнул несколько минут, хрустя кусками сахара, потом поднялся на свой пьедестал. Он проверил точность своего расчета и вырезал во льду выступа выемку для своего орудия.

— А если лед подается?

У его ног открылась бездна, терпеливая и молчаливая. Гвидо откинулся назад и упал на снег. Липкая смерть! Его сердце забилося, поясница вспотела. Он пробормотал бесцветным голосом:

— Всё равно, на войне гораздо легче. Впереди офицеры, сзади поддерживает артиллерия, вокруг тебя твои друзья. Враги — это люди, а человека легко убить... В то время как здесь...

Вдруг произошло нечто удивительное. Гвидо Ла Месле испустил какой-то нечеловеческий крик. Он поднялся на снежный цоколь, вонзил ледоруб в трещину, подтянулся на руках. Его ноги болтались в пустоте. Он лишь одной рукой держался за рукоятку ледоруба, а другой ощупывал снег в поисках более высокой опоры. Он чувствовал, что его силы удвоились. Высшая воля управляла его движениями. Его душа разрывалась от радости, напряженность которой следовала приливам и отливам крови. То это походило на звуки органа под сводами собора, то на ярость солдата, готового к грабежам и насилиям в завоеванном городе. Всё это умножало усилия. Гвидо чувствовал, что эта радость, готовая к крайнему риску, открывает новые перспективы в его жизни. Без нее отныне не мог жить.

Один удар — и карниз отделился с шумом, подобным вздоху. Гвидо Ла Месле упал вместе с ним, подскокил на краю пропасти и опрокинулся в нее. Он готов был исчезнуть в ее глубине, когда получил новый удар снега по ногам, отбросивший его на ледник. Он быстро скользнул по склону вместе с остатками карниза, а потом через сотню метров его движение замедлилось, и он остановился.